

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

1972

повести·рассказы·стихи·рецензии

Молодой Ленинград*72

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1972 г., 312 стр.
Тираж 15 000 экз.
Цена 66 коп.

Главный редактор
Арк. Минчковский
Редколлегия: М. Глинка,
Г. Горышин, А. Ельянов
(составитель), В. Кузнецов,
В. Максимов, В. Суслов,
Л. Щипахина
Редактор П.И. Кочурин

Оформление: В. Шульга
Иллюстрации: Ю.Шабанов,
С. Остров, С. Захарьянц,

Б. Дышленко, В. Шульга

Стихи: Алексей Полишкарров, Юрий Красавин, Нина Погодина,
Александр Вац, Николай Чехов, Елена Игнатова, Евгений Феокистов,
Герман Сабуров, Анатолий Петухов, Геннадий Алексеев, Макс Дахие,
Михаил Матренин, Михаил Гутман, Юрий Оболенцев, Герман Цветков,
Олег Юрков, Сергей Вольский, Леонид Замятнин, Игорь Фролов,
Юрий Колкер, Владимир Беспалько, Наталья Дзибель,
Владимир Ардамацкий, Александр Матюшкин-Герке (пародии)

Проза: Галина Христофорова, Борис Водопьянов, Ганна Немирко,
Юрий Шигашов, Валерий Холоденко, Семен Хануков,
Владимир Насущенко, Владимир Кавторин, Виктор Перепелка,
Владимир Губин, Ирина Габуева, Анатолий Степанов, Михаил Мишин,
Александр Житинский, Владимир Алексеев

Статьи и рецензии: Г. Силина, И. Сергеева, Н. Пантелеймонов,
Н. Алексеева, Е. Холшевникова, Н. Сотников

Литературные пародии

***

*Человек за моею спиной
Он идет уже долго за мной.*

*...Серой мышью ныряю
В метро я,
А за мной уже топаят трое.
Г. Горбовский*

Как-то вечером поздним
В субботу
Я домой возвращался
С работы.
Вдруг меня
Возле Дома культуры
Окружили четыре фигуры.
Коренасты,
Лобасты, зловещи,
Наседают, хватают за вещи.
Улыбаются: «Мы очень рады!...»
Я сигаю от них за ограду.
Одиноко, затравленно, гулко
Каблуками стучу в переулках,
Второпях отступаю
К реке.
Оступаюсь...
И я – в тупике.
Понимая,
Что все бесполезно,
Поднимаю
Осколок железный,
Иступленно реву:
– Налетай!
Что вам надо?
Чего вы пристали?!
– Мы твой сборник, – кричат, – не достали.
Почитай нам стихи,
Почитай!

Олег Юрков

***

Слежу за уходящим мартом,
за речкой, не текущей вдаль,
за птицей, что висит над парком,
как неподвижная деталь.

Глядят в чугунные проломы
пригнутые к земле кусты.
Еще не гасят рыболовы
у прорубей свои костры.

Леса и реки ждут броженья.
От глубины до вышины
зимы последние сраженья,
они уже предрешены!

Как хорошо впотьмах проснуться,
с трудом дойти до чердака,
ладонью к небу прикоснуться,
чтоб дождь пошел наверняка!

Сергей Вольский

***

Заката розовый платок
Окутал землю светлой грустью.
Он неизбежен,
Как итог
Дня, прошумевшего над Русью.

Одел багрянцем камыши,
Раскинулся в полях окрестных
И на мелодию души
Он лег
Словами доброй песни.

И мне себя не превозмочь!
Стою, волнением объятый:

Тиха украинская ночь –
Напевны русские закаты.

Владимир Беспалько

ПРИГОРОД

Непривычный поток тишины –
даже слышно, как ива плачет,
чуть скрипит, регулируя сны,
флюгерок над заброшенной дачей.
К водопою ползут валуны,
тишина в эту ночь многолика,
от разбитой пластинки луны
серебристая льется музыка.
Закружилась осина, пенек,
подбоченившись, крикнул: «А ну-ка!»
и летит над водой светлячок,
словно капля зримого звука.

Юрий Колкер

***

На Гражданском проспекте весна, –
На Гражданском проспекте, где крыши
От дешевого золота рыжи
И закату рубаха тесна,

Где белесые ночи без сна
Мы проводим все реже и тише,
Где высокая память ясна –
Не яснее, чем небо, но выше...

Не любовь, только память жива!
Не любовью, а памятью живы
Заповедные наши слова.

Полушепоты, вздохи, курсивы
Далеки, различимы едва, –
Далеки, от того и красивы...

Ирэна Сергеева

НЕ КРАСКОЙ, НЕ КИСТЬЮ *(О цвете в поэзии)*

Богата поэзия, выразительны ее средства. Но ей этого мало, она тянется к мелодии – возникает песня, тянется к живописи – обогащается цветом.

Сами стихи всегда выдадут того поэта, кто в душе еще и живописец. Известны стихи о Веласкесе, о фламандской школе живописи, о Иерониме Босхе у Павла Антокольского. У Ильи Сельвинского есть своего рода маленькая острая рецензия в стихах на картину Тинторетто «Сюзанна в бане» и тончайшее воспроизведение техники и идейной сути полотен Анри Руссо. Арсений Тарковский и Александр Межиров – поклонники Ван-Гога. Тарковский замечает схожесть своей строки с мазком Ван-Гога, переживая его судьбу, как свою. Межиров, проникая в трагедию художника, говорит о «холсте и краске», об интенсивном цвете уже как художник. «Желтый цвет безумного Ван-Гога, его бессмертный, интенсивный цвет, стал музыкой», – пишет Межиров. Он тоже замечает эту связь: поэзия – живопись – музыка! Цвет картин Ван-Гога привлекает и Александра Кушнера: «как желт его автопортрет!». Но его занимают темы картин, их композиция, воздействие их на зрителя. Кушнер очень тонко подчеркивает индивидуальность, неповторимость мастерства художника вопросом: «Зачем в кафе его полночном стоит лакей с лицом порочным...», «Зачем тяжелый стул поставлен так, что навек покой отравлен?...» Эль Греко прельщает поэта серебряной краской...

Лаконизм древнерусской иконописи, ее краски отражены в поэзии Андрея Вознесенского – «синеок, как образа» и более развернуто:

*За рулем влюбленные,
как ангелы рублевские.
Фреской благовещенья,
резкой белизной,
за ним блещут женщины,
как крылья за спиной.*

Ни одного художника не упоминает в стихах Николай Заболоцкий, но он призывает кого-то из них, не называя имени, – к работе, когда описывает орешину в сентябре, вспыхнувшую, словно девушка:

*Вот теперь, живописец, выхватывай
кисть за кистью, и на полотне
золотой, как огонь, и гранатовой
нарисуй эту девушку мне.*

Правда, поэт замечает, что подлинная радость русского пейзажа «не каждому художнику видна». Сам он эту радость чувствовал и писал в автобиографическом очерке: «Чудесная природа... никогда не умирала в моей душе и отобразилась во многих моих стихотворениях». Основные излюбленные краски в стихах Заболоцкого – золотая, серебряная, синяя, белая, багровая – взяты им у русской природы.

К поэтам, интенсивно живописующим словом, принадлежал Николай Рубцов. Проявление в его стихах этого пристрастия к живописи, быть может, осталось тайной и для него самого. Мы с ним никогда об этом не говорили; если могла о подобном идти речь, то, скорее всего, с нашим общим другом – поэтом и художником Александром Моревым.

У Николая Рубцова то и дело встречаются такие, казалось бы, только миру художников присущие слова: «панорама», «пейзаж», «картина», «заштрихован».

Заметно, что главным для себя поэт считал острое «вИдение». В одном стихотворении он просто «видит», в другом – «смотрит в окно», в третьем – «привычным взглядом созерцает»...

От стиха к стиху вырисовывается любимая палитра Рубцова, она близка есенинской. Тут и много раз повторяющийся зеленый и голубой, желтеющий и желтый, белый и черный, серебряно-янтарный и золотой, бирюза и багрянец. А ведь исток – в пушкинской поэзии: «Роняет лес багряный свой убор, Сребрит мороз увянувшее поле...» Эта наша, родная природная живопись.

Для Рубцова, как для художника, важно освещение: свет – тень. Он выбирает нужные ему оттенки черного цвета: асфальтово-черный, черно-коричневый, иссиня-черный. В стихах его слова-синонимы «мгла», «мрак», «потемки», «сумерки» имеют различия. И свет у него разный: «лунный свет», который «разливается», «закатный пламень» и «холодный пламень» грозового неба, «фонарный тусклый свет» и «зеленый болотный», и блуждающий свет «неясных небесных светил». «Глаза свои мучая тьмой», Рубцов, как Куинджи, сквозь разбегающиеся тени, туман и дым сумел разглядеть огни в реке, запоздалый в поле огонек искрящейся папиросы, луч окошка и желтый рой огней поезда.

Нет ни одного стихотворения в книге «Сосен шум», изданной при жизни поэта в 1970 году, где бы не было пейзажа. Иногда это только «окно, светящееся чуть...». А то вдруг сразу – «и бирюза, и огненные перья ночной грозю вымытых небес». О каждом времени года – иное, иными красками. О весне – «в лучах весны». О летнем городе: «желтеющие зданья меж зеленеющих садов», «город зеленый, дворик зеленый». Об осени щедро, разно-

образно: «поблекшие травы», «роща золотая», «желтые поля», «багряный тихий лист», «сон золотой увяданья», «в рассветном воздухе пылает пламенем мятежным наследник розы – георгин...». О зиме сдержанно: «в саду ледяные акации под окном освященным горят», «заштрихована ночь снегопадом», «свет соседнего барака еще горит во мгле снегов».

Рубцов делает зримым даже время – «дни рекой зеркальной потекли» и душевное состояние – «овладевает светлая печаль, как лунный свет овладевает миром». Обращаясь к прошлому, к истории, он снова использует тот же прием: «Чингисхана сумрачная тень над целым миром солнце затмевала». В целом стихи поэта оставляют впечатление яркости, многоцветности.

Измерима ли многоцветность стиха? С недавних пор стало возможно сравнивать цветовую насыщенность стихов разных поэтов. Литературоведом С. Соловьевым для подобных исследований введено числовое определение. Числитель – количество упоминаний того или иного цвета, а знаменатель – количество печатных листов произведения.

Сравним стихи нескольких авторов, принадлежащих одному поэтическому поколению. Например, цветовое число (не по отдельным цветам и оттенкам, а в целом) у Г. Горбовского – 19, у Н. Рубцова – 13, у Б. Ахмадулиной – 10, у А. Вознесенского – 5. Не удивительно, что стихи Вознесенского оставляют впечатления графики, а стихи Рубцова – этюдов, написанных маслом. Но интересно, что цветовые детали рассыпаны у Горбовского по разным строкам, цельного пейзажа он рисовать не хочет, несмотря на большую цветовую насыщенность и более богатую палитру, чем у других. У Горбовского использовано 16 оттенков любимого его синего цвета, будем и голубой считать оттенком синего (у остальных – по 11), следующие – белый и зеленый, потом – серый и красный.

Рубцов всем цветам предпочитает желтый, потом – зеленый, дальше – белый и, наконец, – черный. Красный поэт не упоминает, только однажды – багряный. У Ахмадулиной на первом месте – белый, второе место делят синий и зеленый, третье – красный и серебряный. Вознесенский работает белой, черной и красной краской, напоминая о плакатах 20-х годов.

Можно было бы рассматривать стихи и с точки зрения освещенности – поэзия Николая Рубцова особенно интересна для исследования в этой области. Но мы еще не исследуем, а только ненадолго зашли на небольшую выставку работ поэтов-живописцев, каждый из которых – неповторим.